

Лидия Алексеевна Чарская

Юркин хуторок

**Москва
Книга по Требованию**

УДК 82-053.2
ББК 84-4

Лидия Алексеевна Чарская

Юркин хуторок / Лидия Алексеевна Чарская – М.: Книга по Требованию, 2011. – 90 с.

ISBN 978-5-4241-3340-4

У героев замечательных книг Лидии Чарской есть чему поучиться: доброта, благородство, смелость, отзывчивость...

И пусть иногда за подобные качества в жизни им приходилось страдать, но эти страдания, как и в жизни, окупались сторицей.

Ведь только такие светлые люди способны на любовь, дружбу, подвиг во имя Родины...

ISBN 978-5-4241-3340-4

© Издание на русском языке, оформление, «

YOYO Media», 2011

© Издание на русском языке, оцифровка, «

Книга по Требованию», 2011

ГЛАВА 1

Семейство Волгиних. Странная встреча. Мая. Еще неожиданность

— Динь! Динь! Динь! — бойко заливается-звенит колокольчик. — Топ! Топ! Топ! — выстукивают по пыльной, неровной дороге копыта лошадей.

— Тпрууу! — выкрикивает рослый кучер, важно восседающий на козлах, и тройка останавливается у крыльца господского дома.

Два кудрявых черноглазых мальчугана поспешно выскочили из экипажа, за ними выпрыгнул третий, рыженький и бледнолицый, с крошечным лицом фарфоровой куколки. Следом за детьми из коляски легко спустился еще не старый, но с заметной проседью, господин. Он помог выйти толстой маленькой женщине в чепчике на голове и в клетчатом платке на плечах и высокой, тоненькой и бледной девочке лет двенадцати на вид, с белокурыми, отливающими золотом кудрями и кротким, миловидным лицом, напоминающим прекрасные лица ангелов, изображаемых на картинах.

Навстречу вновь прибывшим из дома выбежал приказчик — он же и управляющий усадьбой, — седой стариk Андрон, и с низкими поклонами приветствовал господ.

— Милости просим! Милости просим! Пожалуйте, ваше превосходительство! Барышня! Господа молодые! Заждались вас. Заждались. С приездом! На конец-то пожаловали! — говорил он, ласково кивая и улыбаясь приезжим.

— Здравствуй, Андронушка! Здравствуй! — ласково отвечал старику седой господин, которого звали Юрием Денисовичем Волгиным и который был отцом двух черноглазых мальчиков — Сережи и Юрики, рыженького Бобки и белокурой Лидочки, похожей на ангела. — Ну, веди нас в дом, показывай новое хозяйство. Да прикажи, голубчик, самовар поставить: с дороги и закусить не мешает, и чайку напиться.

— Как же, как же, ваше превосходительство! — засуетился Андрон. — Все сделано. Пожалуйте в столовую.

И он торопливо зашагал впереди господ, указывая им дорогу.

Они миновали ряд комнат, маленьких, уютных, установленных простой, но изящной мебелью. Дети с любопытством разглядывали все, что попадалось им на пути. Одна только бледная белокурая девочка шла, ни на что не глядя, под руку с отцом и, казалось, не обращала внимания на окружающую ее обстановку. Зато мальчики шумно восторгались всем, что попадалось им по пути. Все казалось им так ново, интересно и мило.

— Ах, папа! — кричал старший, Сережа, тормоша отца. — Как нам будет весело жить в этом маленьком хуторском домике! Это далеко не то, что на даче. И какой ты милый, папа, что купил этот хуторок.

— Мы превесело проведем в нем это лето, — вторил ему Юрик и взглянул на отца огненным взглядом своих больших выразительных глаз.

Несмотря на то, что Юрик был на год моложе Сережи, он казался много сильнее и как будто даже старше брата.

— Да, да! Какой ты умник, папочка, что купил хуторок! — подтвердил и маленький семилетний Бобка, общий баловень и любимец в семье.

— А ты, моя неулыба-царевна, довольна ли? — обратился Юрий Денисович к старшей дочери, которую с заботливой нежностью вел под руку, как больную.

— О папочка, все, что ты делаешь, так хорошо! — произнесла она с чувством и крепко пожала руку отца.

Не совсем довольна была только полная особа в клетчатом платке — нянюшка Ирина Степановна, вынужившая всех четверых детей Волгиних.

— Хорошо-то, хорошо, — ворчливо произнесла она, — да только была радость — в такую глушь забираться! Тут и человеческого жилья-то, поди, на несколько верст нет. Охота тоже чуть ли не в самом лесу законопатиться! И провизии тут не доищешься. И разносчики не ходят.

— А как же, няня, мы мимо деревни ехали? — вмешался Сережа. — Там людей много! А провизии, папа говорил, и на хуторе довольно.

— Да деревня-то не близко вовсе: версты две будет, — поправил брата Юрик.

— А я рад, что мы забрались в такую глушь, право; по крайней мере я отдохну за лето, да и вы окрепнете на чистом деревенском воздухе, — вставил свое мнение отец.

— И славно же проведем мы это лето! — весело вскричал Юрик, самый проказливый и шаловливый из всех детей Волгиних. — Я уж видел по пути, что тут всего вдоволь, чего только душа ни пожелает: лес, река, поле... И в лесу эта усадьба, о которой ты говорил, папа... князя этого...

— Да, усадьба и охотничий домик. Как-нибудь мы осмотримся. А пока, друзья мои, советую вам покушать как следует с дороги... Андрон Савельич об нас уже позаботился. И чай готов... Нянюшка, — прибавил Юрий Денисович, обращаясь к Ирине Степановне, — налейте-ка чаю детворе да и меня не забудьте.

Дети не заставили отца повторять приглашение и с большим аппетитом принялись за еду. Старик Андрон, стоя у притолоки, рассказывал Волгину про хозяйствственные дела на хуторе. Хутор был куплен Юрием Денисовичем этою весною в одном из прелестных уголков России, и он впервые с семьей приехал сюда провести лето и отдохнуть на деревенском просторе.

* * *

После чая мальчики поспешили на двор — осматривать хозяйство вместе с отцом и Андроном. Нянюшка, что-то ворча себе под нос (она была недовольна решением господ провести лето на хуторе, где, по ее мнению, особенно трудно уследить за буйной детворой), принялась хлопотать по устройству комнат совместно с двумя прислугами, приехавшими на хутор еще накануне.

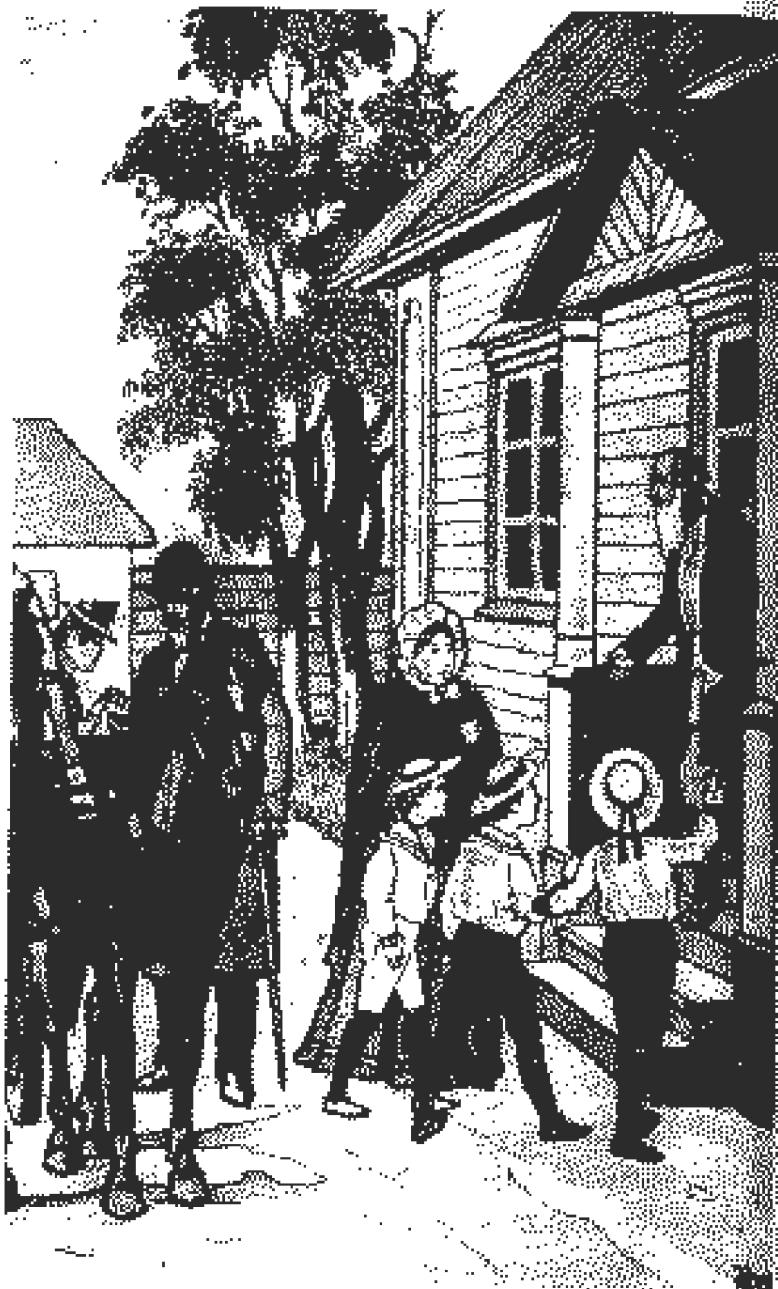
Бледная белокурая Лидочка осталась одна в столовой. Она медленными глотками допила свой чай и осталась сидеть за столом.

— Не желаешь ли, дорогая, пока пройти в сад? — предложил вдруг вошедший в комнату отец.

— Хорошо, папа, — ответила девочка и, тихо встав из-за стола, оперлась на подставленную ей отцом руку и вышла вместе с ним из комнаты, осторожно ступая, точно боясь новой, незнакомой ей обстановки.

Медленно пройдя ряд комнат, они вышли на балкон и спустились в сад.

Это был роскошный старый сад с вековыми деревьями, громадными дубами и кленами и белоснежными березками, покрытыми сплошью шапкой зеленою листвы. Лидочка, под руку с отцом, шла так же медленно и осторожно по длинной и прямой, как стрела, аллее. Солнце золотило ее белокурую головку и

ласкало бледное личико своими прощальными лучами. Когда они дошли до конца аллеи, отец подвел девочку к скамейке и сказал:

— Ты, наверно, устала, дорогая? Посиди здесь на скамейке, отдохни. Я пойду распорядиться по хозяйству, а к тебе пошлю няню.

Лидочка послушно опустилась на скамью и осталась сидеть, прислушиваясь к удаляющимся шагам отца.

Вдруг она вздрогнула и насторожилась. В кустах послышался легкий шорох и задавленный смех.

— Кто тут? — испуганно воскликнула Лидочка и протянула вперед руки как бы для защиты.

— Это я! — послышался чей-то звонкий, серебристый смех, похожий на колокольчик.

— Кто — ты? — тем же пугливо-вопрошающим голосом спросила Лидочка.

— Я — майская фея! Или ты не видишь меня?

И из кустов шиповника выскоцила маленькая странная фигурка и побежала к Лидочке.

Это была девочка лет десяти-одиннадцати на вид, с лукавым, подвижным и смеющимся лицом, черненькая, с длинными толстыми косами до пят, вся с головы до ног украшенная цветами, в венке из душистых ландышей на черненькой головке.

— Майская фея? — произнесла бледная девочка. — Но разве существуют на свете феи? Феи бывают только в сказках.

— Должно быть, существуют, если я говорю тебе, что я — фея, — с тем же серебристым смехом отвечало странное существо. — Взгляни на меня: разве ты не видишь, до чего я похожа на фею?

— Нет, не вижу! — произнесла бледная девочка и кроткое лицо ее подернулось печалью.

— Не видишь? Почему? — удивилась в свою очередь странная фигурка, называвшая себя феей.

— Да потому, что я... слепая, — тихо прозвучало в ответ, и белокурая девочка низко опустила свою золотистую головку.

— Слепая! — удивленно протянуло странное существо. — Слепая! Вот никогда бы не подумала этого... Значит, ты не видишь ни голубого неба, ни золотого солнца?

— Нет!

— Ни цветов, ни деревьев, ни птичек?..

— Нет, нет! — было ответом.

— И меня не видишь?

— Нет, я слепая; мои глаза, как мертвые, — уныло произнесла Лидочка. — Но кто же ты на самом деле? Ведь я знаю, что феи не существуют... Ты должна мне сказать, кто ты?

— Ха, ха, ха! — со звонким смехом, похожим на звук серебряного колокольчика, произнесла странная девочка, — какая ты недоверчивая! Я уже сказала тебе, что я фея — фея и есть. Мне жаль, что ты слепая, потому что, во-первых, ты такая хорошененькая и сама очень похожа на фею, а во-вторых, потому что ты не видишь меня и не можешь удостовериться в том, что я действительно фея!.. Слышишь? Меня зовут. Это кличут меня такие же маленькие феи, как и я, чтобы

справлять наш майский праздник в лунном свете. Жаль, что ты не фея и не можешь участвовать в этом празднике. Прощай, прощай! Пора! Солнце уже заходит.

— Как же зовут тебя? Скажи мне, по крайней мере! — произнесла слепая Лидочка, живо заинтересованная своей странной собеседницей.

— Мая! Фея Мая, — прозвучал в ответ серебристый голосок. — А тебя?

— Меня зовут Лидочка, — произнесла слепая.

— Ну, прощай, Лидочка! Не забывай фею Маю! — произнес тот же серебристый голосок, и странное маленькое существо с веселым смехом исчезло в густо разросшихся кустах шиповника.

В ту же минуту по аллее послышались шаги. Это явилась няня за Лидочкой. Держа под руку нянью, Лидочка тем же медленным, рассчитанным шагом повернула к дому и пошла своей осторожной походкой, какой обыкновенно ходят только слепые.

— Кто она — эта странная маленькая Мая? — рассуждала по дороге девочка. — И откуда взялась она? Надо будет узнать, нет ли у приказчика Андрона или у кучера родственницы, какой-нибудь щалуньи-девочки, которая подшутила над нею, Лидочкой, назвавшись феей. — Что она не фея, это Лидочка отлично знала. Отец Лиды постоянно занимался со своей слепой дочерью, со слов знакомя ее с разными науками, поэтому Лидочка была достаточно образована, чтобы не поверить в существование фей и всего сверхъестественного на белом свете. Но кто же, однако, эта девочка?

* * *

В то время как слепая Лидочка неожиданно встретила странное маленькое существо, назвавшее себя феей Маей, ее три брата успели обежать скотный двор, заглянуть в хлев к коровам и свинке, помещавшейся по соседству в обществе своих двенадцати пороссят, розовых и нежных, еще не обросших щетиной. Мальчики приходили в восторг решительно от всего: им нравились и пороссята, и Буренка, доверчиво бравшая хлеб из рук, и красноносый индюк, важно разгуливающий по двору, и семейство цыплят, следившее с пронзительным писком за своей матерью-хохлаткой. Но больше всего возбудили их любопытство коношки. Кроме тройки вороных, там еще стояли четыре верховые лошадки и четыре рабочие. Особенно привлекал внимание детей один гнедой верховой конек. Коня звали Востряк, и он как нельзя более оправдывал это прозвище: он поминутно вертел головою, махал хвостом и ржал так, точно хотел этим ржанием по-своему, по-лошадиному, приветствовать своих новых господ.

Из коношки дети побежали на задний двор, где находилась голубятня, помещавшаяся как раз над домиком скотницы Аксиньи.

— Можно посмотреть голубей? — обратился вежливо Сережа к краснощекой и толстой хозяйке избушки, входя к ней в горницу по шатким ступеням крылечка.

— Пожалуйста, молодые господа, пожалуйте! — проговорила Аксинья, низко кланяясь барчукам. — Митька, а Митька, — закричала она резким, пронзительным голосом, — и где ж это ты запропастился? Сведи господ на голубятню. Слышишь, что ль?

Невидимый Митька не откликнулся на призыв Аксиньи, и мальчикам пришлось подниматься одним по узкой и скользкой лесенке в мезонин домика.

— Да где же голуби? Их нет! — разочарованно протянул Сережа, заглянув в темный мезонинчик под крышей.

— Нет голубей, — в тон ему грустно протянул Бобка.

— Стойте, а это что? — произнес шепотом Юрик.

Его зоркие глаза отыскали в углу небольшое гнездышко, свитое под балкой, и в нем четырех еще не оперившихся птенчиков-голубков, пищавших на разные голоса.

— Ах, прелесть! — вскричал, всплеснув ручонками, Бобка. — Возьмем их к себе в детскую непременно.

— И будем их кормить молоком, — подхватил Сережа.

— И глуп же ты, Сережа! — насмешливо произнес Юрик. — А еще старшим называешься. Ну где же это видано, чтобы голуби, как котята, молоко пили?

Сережа сконфузился.

— Возьмем их с собою! — тянул Бобка и протягивал ручонки к гнездышку.

— Оставь, я сам! — оттолкнув его, проговорил своим резким голосом Юрик, и бросившись ничком на ворох соломы, он в свою очередь потянулся рукою за гнездом.

Тут произошло нечто совсем неожиданное. Ворох соломы зашевелился, словно живой, под Юриком, и из-под него высунулась белобрысая головенка с потешными пышными вихрами и маленьким носом, торчавшим на детской грязной рожице в виде пуговицы.

— Не трожь голубей, тебе говорят! — произнес вихрастый мальчик. — Голуби мои, и худо тебе будет, коли что ежели...

— Вот тебе раз! — протянул изумленный Юрик, в то время как Бобка со страхом попятился к двери. — Вы из каких же будете, господин хороший, и чего же вы бранитесь, с позволения сказать?

Вихры отчаянно зашевелились, и нос-пуговица окончательно вылез из-под соломы. Обладатель этого носа оказался небольшим пузатым босым человечком в грязной, заплатанной в нескольких местах рубашонке. У него было какое-то задорное и в то же время недоумевающее выражение лица.

— Кто ты такой? — спросил Юрик, удивленно глядя на этого курносого и вихрастого мальчугана.

— Кто? Я-то? — переспросил мальчуган.

— Ты-то!

— Я-то! Митька! А вот ты-то кто будешь? — произнес далеко не миролюбивым тоном курносый человечек.

— А я — Юрик, — отвечал маленький барчук, с трудом удерживаясь от смеха при виде этой забавно воинственной рожицы. — А это Сережа, — указал он на старшего брата, — а этот — Бобка, — протянул он палец в направлении рыженького мальчика, забившегося от страха в уголок.

— Бобка... имя-то словно собачье! — протянул с глупой усмешкой пузатенький Митька и вдруг снова неожиданно рассердился: — А пошто вы, ровно воры, в мою голубятню забрались?

— А пошто ты, как разбойник, в соломе спрятался? — передразнивая его, спросил Юрик.

— Боялся я! Тетка Аксинья меня била, шибко била... Велела коров пасти, а я убег.

— Зачем же ты убег? — спросил Юрик.

— А тебе что за дело?

И Митька воинственно выпрямился и даже сжал в кулаки свои грязные руночки. Но как раз в эту минуту раздался пронзительный крик внизу:

— Митька-а! Митька-а! Куда ты провалился?

— Ахти, беда мне! — вскричал Митька и снова нырнул в солому. — Прибьет она меня, прибьет беспричинно. У нее первое дело — за вихры таскать.

— А ты не бойся. Мы тебя не дадим в обиду, — успокоил его Юрик.

— Это кто? Ты-то?

— Да хоть бы и я!

— Во! Так она на тебя и посмотрит.

— Батюшки! Да она сюда идет, — прошептал испуганно Сережа.

— Беда, беда! — вскричал Митька и с головой ушел в свою солому.

Действительно, ступени скрипели под тяжестью Аксиньи, и не успели мальчики переглянуться между собою, как ее тучная фигура показалась на пороге мезонина.

— Ну, полюбовались на голубков, барчата! — произнесла она вкрадчивыми певучими голосом, каким обыкновенно говорят простолюдинки, когда желают показаться ласковыми и добрыми. — Голубки-то улетели.

— Да, — произнес лукаво Юрик, искося поглядывая на чуть шевелившуюся в углу кучу соломы, — и Митька ваш улетел вместе с ними.

— Митька? Да нешто вы его знаете?

И, не дожидаясь ответа, Аксинья стала жаловаться на Митьку: и лентяй-то он, и грубиян, и разбойник, совсем он от рук отбился и сладу с ним никакого...

А курносая рожица в это время выглядывала из своего убежища под соломой и корчила такие уморительные гримасы, что три мальчика едва могли удержаться от смеха.

— Митька ваш племянник? — спросил Юрик толстую Аксинью.

— И-и... какой он мне племянник, детушки! Просто он сирота бездомная, и приняла я его к себе по своей доброте, а он, заместо того чтобы помочь мне в чем по хозяйству, только проказничает. Невмоготу мне с ним!

И, говоря это, толстая Аксинья, раньше чем кто-либо из детей мог предвидеть это, тяжело уселась на кучу соломы, под которой притаился злополучный Митька. Уселась и тотчас же вскочила на ноги как ужаленная. Глаза ее, выпущенные и испуганные, стали совсем круглые от страха, рот широко раскрылся.

— Разбойники! — завопила на весь двор и даже на весь хутор Аксинья. — Разбойники, режут! Карапул! — и со всех ног бросилась вон из мезонина, оставив в голубятне трех громко хохочущих мальчуганов.

— Ну, таперича держись! — вскричал, вылезая из своей соломенной засады, Митька. — Коли узнает, что это я ее испужал — прибьет меня... как Бог свят — прибьет!

И прежде чем мальчуганы успели опомниться, он кубарем слетел с лестницы, и через минуту его потешную маленькую фигурку можно было видеть бегущею по полю от хутора к лесу.

Мальчики перестали смеяться и искренно пожалели сироту-Митьку, которому, должно быть, несладко жилось у его сердитой названой тетки. Потом они занялись птенчиками. Они решили оставить маленьких голубков в голубятне и